

Проф. М. Е. Сергеенко

К ИСТОРИИ КОЛОНАТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

История колоната отличается одной любопытной особенностью. Мы вполне ясно можем представить себе, каким образом малоземельный, а то и вовсе безземельный крестьянин становится арендатором у своего богатого соседа; мы знаем, каким образом и по каким причинам он превратился в издольщика и почему, в конце концов, будучи человеком, лично свободным, он оказался прикрепленным к земле. И, однако, на целый ряд вопросов, требующих совершенно конкретного ответа, мы ответить не в состоянии. Такое крупнейшее историческое явление, как колонат, предстает перед нами, говоря метафорически, не как портрет в красках, а только как силуэт. Арендатор-колон уплачивал арендную плату хозяину — мы это знаем. Каких размеров была эта плата, и что определяло ее величину? в какие сроки она вносилась, и как менялись эти сроки в зависимости от времени и места? Не знаем. Живая, повседневная действительность, в которой и находила свое выражение сущность колоната, для нас почти безнадежно стерта. Поэтому совершенно исключительное значение получает всякий, самый мелкий факт, который в какой-то степени позволяет нам заполнить реальным содержанием наши представления об отношении колона к хозяину. Об одном из таких мелких фактов сейчас и будет речь: мы займемся вопросом о так называемых «добавках» — *accessiones*, о которых сообщает Колумелла, говоря, что, кроме денежной уплаты, колон обязан был делать еще какие-то «маленькие добавки» (*parvae accessiones* — 1, 7, 2), заключавшиеся, повидимому, во взносах натурой. Он называет только одну из таких добавок: колон обязан привезти хозяину дрова. О содержании остальных мы узнаем из одного стихотворения Марциала (3,58), которое, насколько мне известно, к решению занимающего нас вопроса до сих пор не привлекалось. Между тем в нем есть весьма любопытные подробности, наполняющие отвлеченную формулу Колумеллы «прочие маленькие добавки» живым, реальным содержанием.

Марциал в этом стихотворении описывает жизнь в кампанском поместье своего друга Фаустина. Подчеркнув, как по-хозяйски все в этом имении устроено и каким обилием здесь все дышит, он переходит от дворовой челяди, занятой сельскими работами, к следующим подробностям в усадебном быту своего друга: «не с пустыми руками приходит к нему поздороваться *rusticus saluator* (нарочито оставляю пока эти слова без перевода, — М. С.): один приносит белый мед в сотах и пирамидку сассинского

сыру; другой доставляет из лесу сонливых полчков¹; этот несет блеющего козленка, а тот каплунов... Рослые девочки, дочери честных колоннов, предлагают в плетеных корзинах подарки от своих матерей. По окончании работ приглашается веселый сосед: за обильным обедом не берегут кушаний на завтра: все насыщаются, и сытому слуге и в голову не придет завидовать подвыпившему застольнику».

Попробуем проанализировать этот текст. Кто такой *rusticus saluator*, приносящий Фаустину перечисленные выше подарки? Слово «*saluator*» употребляется Марциалом обычно не в широком смысле, когда оно обозначает всякого, кто здороваётся, подходит с приветом, а в его специфически-узком: *saluator* — это клиент, чья беспокойная жизнь начиналась с раннего визита патрону, которого он обязан был приветствовать. Пять раз встречается это слово у Марциала (не считая нашего)²: кроме одного случая, когда оно относится к говорящему ворону, которого выучили здороваться, оно неизменно означает человека, стоящего или ставящего себя в положение подчиненное по отношению к тому, перед кем он предстает в качестве *saluator*.

Итак, перед нами толпа каких-то деревенских клиентов, собравшихся к Фаустину с подарками и поздравлениями, видимо, по поводу его приезда. Кто мешает видеть в них соседей Фаустина, юридически от него совершенно независимых, но более бедных, чем он (Фаустин был человеком очень богатым), а потому, естественно, находящихся от него в той зависимости, в которой бедный всегда становится по отношению к богатому. Не предстает ли этот *rusticus saluator* несколькими строками ниже в качестве «веселого соседа», *laetus vicinus*, которого, благодаря за его подарки и привет, радужный хозяин зовет, по окончании работ, разделить с ним трапезу?

В таком объяснении нет ничего невероятного. Его придется, однако, начисто исключить, принимая во внимание тот способ, каким Марциал составляет свои описания. Когда целью его является показ чего-то целого, он действует аналитическим методом, нанизывая одну за другой ряд подробностей. Эмоциональное переживание этого целого, которое заставляет читателя в одной черточке почувствовать всю сущность, весь характер явления, — чем так силен Вергилий, — отсутствует у этого сухого и ясного аналитика; показать целое — значит для него перебрать отдельные слагаемые, из которых состоит сумма: описываемое явление. Слагаемые эти, при всем своем внешнем различии, обладают одинаковой внутренней значимостью: все они способствуют созданию единого колорита, и чем их больше, тем колорит этот будет гуще и сильнее. Марциал работает над своими описаниями, как работает на кладке кирпичного дома каменщик, который, положив один кирпич, берется за следующий и к первому уже не возвращается. Использованная деталь имеет строго композиционное значение: она важна для создания целого, а не сама по себе, и значительна только в совокупности с другими. Поэтому Марциалу и не нужно возвращаться к факту, уже однажды упомянутому, а нужно набрать как можно больше однородных и красноречивых фактов. Любое из его длинных описательных стихотворений может служить иллюстрацией: обед (V, 78); описание маленькой собачки (I, 109); жизнь Лидииана в Испании (I, 49); пир у Зоила (III, 82); дом Юлия Марциала на Яникуле (IV, 64). Наше стихотворение не является, конечно, исключением: целое развернуто в нем, как обычно для Марциала, в длинную цепь подробностей, и *rusticus saluator* вместе с *vicinus* представляют собой два совершенно разных звена в этой цепи.

¹ Glis, ris — полчек, соя или земляная белка, *Sciurus Glis* L.

² I, 70, 18; VIII, 44, 3; X, 10, 2; X, 74, 2; XIV, 74, 1.

Rusticus saluator, поставленный между рабами и свободным соседом, который, как равный, приходит на обед, может быть только колоном, принесшим хозяину обязательные подарки. Положение это подтверждается и нашим стихотворением и другими стихами Марциала. Мы слышали о дочерях колонов, пришедших с подарками. Поэт пишет (VII, 31): «крикливые птицы с птичьего двора; яйца; пожелтевшие от полуденного зноя хиосские фиги; молодой козленок; маслины, опавшие от мороза; капуста, поседевшая от изморози, — все, что тебе посылает вилик Умбр или колон, — все это для меня родится в Субуре». Знаменитому адвокату Реституту в день рождения «колон должен послать козленка» (X, 77, 17).

Все эти свидетельства не только убеждают нас в том, что колон делает хозяину определенные взносы натурой, но и исключает возможность рассматривать их как случайные и вовсе не обязательные подарки: дань от колона стоит рядом с посылками от виллика, ничем от них — в смысле обязательности — не отличаясь (VII, 31); в день рождения хозяина колон обязан принести ему подарок (X, 77). Это маленькие натуральные взносы — *parvae accessiones*, «маленькие добавки» к чему-то более крупному. Присмотримся ближе к характеру этих «добавок».

Марциал был современником Плиния Младшего, хорошего и заботливого хозяина, который, как известно, перевел своих колонов с денежной арендной платы на взносы натурой. В одном из своих писем он подробно мотивирует, почему он так поступил. Можно не сомневаться, что он был не единственным хозяином, принявшим эти «новые решения» (*nova consilia*), «маленькие добавки» натурой, о которых говорил в свое время Колумелла, сыграв в этом переходе свою роль, подсказав, между прочим, хозяину путь, на который следовало ему перевести хозяйство: принцип натуральных взносов, до сих пор ограниченных второстепенными отраслями хозяйства, следовало только расширить на все хозяйство, подчинив ему и виноградник и хлебное поле. У Марциала мы встретим однажды колонов, посылающих своему хозяину вино (XIII, 121). Обычно, однако, мы видим его колонов не с их основными взносами, а именно с «маленькими добавками». Имеющийся в нашем распоряжении материал не позволяет определить с точностью их количество, но дает возможность охарактеризовать до известной степени их состав: тут есть продукты пасеки — мед и воск; скотного двора — сыр и козлята; птичника — яйца, каплуны, различная домашняя птица; огорода — капуста; плодового сада — винные ягоды и маслинника — маслины. По величине своей взносы эти, действительно, относительно малы: колон дает не козлят, а козленка; не головки сыра, а всего одну его пирамидку; подарки свои он «приносит» (*fert*): ему не нужно даже ослика, чтобы навьючить на него то, что он доставляет на хозяйский двор. «Добавки», *accessiones*, к основной плате, взималась ли последняя деньгами или натурой, имеют значение не столько хозяйственное, сколько принципиальное: в хозяйстве колона не оказывается ни одного уголка, ни одной статьи, на долю с которой хозяин не имел бы права. Мы застаем здесь италийского колона в начале той длинной дороги, которую вымеряют его потомки, чтобы через ряд столетий и поколений притти к прочно установленному плану натуральных повинностей, когда те же «добавки», которые мы видим у Марциала, предстанут перед нами в расширенном и дополненном виде, причем продукты будут уже строго нормированы по количеству и приурочены к определенным срокам.

Стихи Марциала дают нам тоже некоторые сроки, в которые колон вносит свои «добавки». Сроки эти чрезвычайно интересны, потому что они позволяют определить первоначальный характер и природу наших «добавок». Колон приносит козленка хозяину в день его рождения (X, 87, 17)

и является к нему с подарками, очевидно, поздравить его с приездом (III, 58)¹.

Побитые морозом маслины и капуста, тронутая изморозью, указывают определенно на наступление зимы: дело идет к сатурналиям с их непременными подарками. Надо думать, что первоначально мелкий арендатор, бедный, но совершенно свободный человек, являясь в определенные дни к хозяину со своими подарками, просто выполнял долг вежливости по отношению к старшему. С течением времени эти относительно добровольные подарки превратились в обязательные взносы, «в «добавки» к основной плате арендатора, — такими они уже стали в I в н. э., судя по словам Колумеллы, — и в конце концов оказались определенными статьями его взносов натурой.

В разобранном нами стихотворении Марциала есть еще одна мелкая, но весьма любопытная подробность: один из колонов приносит хозяину из лесу полчков — эти жирные маленькие животные были весьма любимы римлянами, их даже разводили и откармливали в усадьбах. Вспомним слова Колумеллы, что колон должен был привозить хозяину дрова. Перед нами явления разной значимости, но одного порядка и по существу чрезвычайно важные. Хозяин приобретает право не только на продукты из хозяйства колона, но и на какую-то долю его времени, которую колон должен истратить непосредственно на удовлетворение потребностей господского двора. Вначале право это очень скромно, но подобно тому, как добровольные подарки превращались в обязательные «добавки», так и время колона, которое тот тратит непосредственно на хозяина, сначала в небольшой доле, с течением времени все больше и больше оказывается в хозяйском распоряжении. Дровосек Колумеллы и охотник Марциала сделали уже первые шаги по тому пути, который привел впоследствии к закреплению колонов.

¹ Об этом не сказано прямо, но представить себе в деревне нечто похожее на ту *salutatio*, которую начинали свой день римские клиенты, совершенно невозможно: ни один хозяин не допустил бы такой бессмысленной траты времени. У Марциала колоны приходят к Фаустину по какому-то экстремному случаю. О них говорится вслед за показом городских рабов, занятых на сельской работе, а так как городские рабы появляются в деревне, видимо, со своим господином, которого они сопровождают, то, очевидно, автор имеет в виду приезд Фаустина к себе в усадьбу: обычай поздравлять с приездом, принося по этому поводу подарки, был широко распространен.